

Пилянкевич Николай Иванович

История философии права

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 340
ББК 67.0
П32

П32

Пилянкевич Н.И.

История философии права / Пилянкевич Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2013. – 302 с.

ISBN 978-5-458-23277-7

Издавая ныне труд Н.И. Пилянкевича, мы руководствовались многими соображениями: во-первых, мы думаем, что не смотря на значительное число лет, отделяющих его от настоящего времени, он может служить и теперь некоторым пособием и руководством для студентов-юристов, изучающих историю философии права, тем более что мы совершенно бедны сочинениями по этому предмету на русском языке; со времени истории философии права, представленной Неволиным в его Энциклопедии (1839 г.), приобретена нами всего одна книга: Очерк (весьма краткий) истории философии права Гейера (перевод с немецкого 1866 г.). Во-вторых, труд этот, совершенный в тяжелый период нашего высшего просвещения, может служить доказательством, что и тогда в наших университетах, при всем преобладании лишь формального исполнения своего долга, были лица, делавшие, по мере сил своих, настоящее дело. Наконец, изданием этого труда нам хотелось бы принести хотя позднюю поправку когда-то допущенной погрешности, и сколько-нибудь воздать добрую память Н.И. Пилянкевичу, который, без сомнения, заслуживал лучшей участи. Киев, 7 января 1870 г.Н. Ренненкампф

ISBN 978-5-458-23277-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

стоящее время не всегда есть и кандидаты, тогда давались съ трудомъ, и только послѣ иѣсколькихъ лѣтъ службы на младшихъ учителскихъ должностяхъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. О возможности оставаться по окончанію курса при университѣтѣ, хоть на годъ, съ содержаніемъ въ 300 руб., съ цѣлью чему-либо поучиться, на свободѣ отъ лекцій и экзаменовъ, позволительно было только мечтать, безъ всякой надежды на осуществленіе мечты, потому что университеты въ то время не оставляли у себя окончившихъ воспитанниковъ. И тѣмъ не менѣе, мечтали многіе, — такъ тѣсно было открывавшееся поприще! Единственная дѣятельность, представлявшаяся студентамъ (кромѣ медиковъ), состояла въ канцелярскихъ занятіяхъ, съ самымъ ограниченнымъ содержаніемъ (отъ 3 до 12 р. въ мѣсяцъ, а часто и вовсе безъ платы), но и здѣсь они встречали опасныхъ соперниковъ во множествѣ лицъ недоучившихся или учившихся лишь въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, и которыхъ однажды принимались гораздо охотнѣе, потому что по своему развитію болѣе подходили къ гospодствовавшимъ условіямъ службы.

При такомъ положеніи вещей, Н. И. Пилянкевичъ, не расположенный заняться перепискою бумагъ въ какой-либо канцеляріи, опредѣлился учителемъ въ Киево-Подольское уѣздное училище.

Открывшися ему дѣятельность, и еще болѣе окружившее его общество, не соотвѣтствовали ни его знаніямъ, ни стремленіямъ. Отличаемый въ Университетѣ вниманіемъ товарищѣй и наставниковъ, особенно К. Неволина, онъ чувствовалъ себя въ новой сферѣ далекимъ отъ возлагаемыхъ на него надеждъ, забытымъ и заброшеннымъ, и не владѣя достаточной твердостью характера, онъ сталъ погружаться мало-по-малу, незамѣтно для себя, въ ту патріархальную, ограниченную и безучастную жизнь, которую Подольская часть Киева отличается и теперь, и которая по временамъ разнообразилась и оживлялась карточными вечеринками и рыбными ловлями на привлекательныхъ водахъ Днѣпра. Чрезъ два года скучбы на Подольѣ Н. И. Пилянкевичъ былъ переведенъ учите-

лемъ исторії въ 1-ю Кіевскую гімназію, и мѣсяца два ходи-ть туда на уроки, но Подоль, съ своими тихими удовольствіями и невзыскательною простотою нравовъ, стала манить его въ свой кругъ, и онъ просилъ перевести его обратно въ уѣздное училище, что и было исполнено. Въ 1841 г. Н. И. Пильникевичъ бытъ назначенъ въ Нѣжинскій лицей, по рекомендації Кіевскаго юридического факультета, исправляющимъ должностъ профессора гражданскихъ законовъ. Къ сожалѣнію, Нѣжинъ, по условіямъ своего быта весьма сходный съ Кіевскимъ Подоломъ, не имѣть даже преимуществъ послѣдняго, состоявшихъ въ непосредственныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ частями города, болѣе оживленными въ умственной и общественной жизни. Таже невзыскательная простота, изолированность и покой жизни, и также способность захватывать въ узкій кругъ своихъ нравовъ и интересовъ каждого молодаго человѣка не искушенаго жизнью, или не владѣющаго нужною силою сопротивленія. Самъ лицей мало представлялъ условій для научной дѣятельности: состояцій всего изъ 3-хъ, 4-хъ преподавателей, различныхъ по лѣтамъ, направлению, онъ не имѣть и не могъ имѣть той возбуждающей и поддерживающей среды, безъ которой невозможно умственное движение; студенты-слушатели равнымъ образомъ не служили для своихъ профессоровъ побужденіемъ къ научнымъ работамъ: они набирались обыкновенно изъ гімназистовъ слабѣйшихъ (лучшіе всегда шли въ університетъ), и поступая въ лицей лишь для практическихъ служебныхъ цѣлей, обнаруживали возбужденіе и учебную дѣятельность только передъ репетиціями или экзаменами, для полученія нужной степени.

Между тѣмъ університеты наши и 30 лѣтъ назадъ, какъ и нынѣ, страдали отъ недостатка лицъ подготовленныхъ для занятія університетскихъ каѳедръ, и тогда какъ и нынѣ единственнымъ средствомъ для его устраненія находили въ посылкѣ избранныхъ молодыхъ людей въ чужіе края для усовершенствованія по разнымъ частямъ університетскаго преподаванія. Въ 1842 г. 31 дек. было получено изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія распоряженіе, въ которомъ

указывалось на посыпку за границу какъ на мѣру общую, и предписывалось попечителю учебного округа произвести самый выборъ молодыхъ людей.

Тогдашній попечитель округа, Фонъ-Брадке, членъ высокаго образованія, характера и умѣнія понимать свою роль, обратился къ факультетамъ, которые вскорѣ и представили избранныхъ ими лицъ, а указомъ 1843 г. 26 августа послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на командировку ихъ въ чужіе края, на 3 года.

Со времени основанія Киевскаго университета, это была первая посыпка за-границу довольно значительного числа молодыхъ людей, предназначенныхъ для будущаго пополненія его ученыхъ силь, и потому она не лишена своего интереса.

Отъ юридического факультета кандидатами для командировки были представлены: Платонъ Тутковскій (для международнаго права), И. И. Пилянкевичъ (для юридической энциклопедіи) и И. М. Вигура (для государственного права), отъ такъ называвшагося тогда факультета философскаго 1-го отд.—Ив. Вернадскій (для политической экономіи) и М. А. Туловъ (для славянскихъ нарѣчій; онъ отказался отъ поѣздки), отъ физико-математического—А. С. Роговичъ; одновременно были посланы за границу отъ другихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, между прочими С. М. Ходецкій и К. М. Теофилактовъ, поступившіе потомъ въ Университетъ Киевскій и состоящіе въ немъ и до сихъ поръ. Они встрѣтились съ киевлянами въ Берлинѣ и составили одинъ кружокъ. Для каждого командированнаго факультеты составили особыя инструкціи; въ этихъ инструкціяхъ были определены предметы, которые каждый долженъ быть выслушать; кругъ предметовъ былъ весьма обширенъ и разнообразенъ (такъ напр. посланному для юридической энциклопедіи указаны: энциклопедія, философія права, исторія положительныхъ законодательствъ, особенно римскаго, германскаго и церковнаго права (?), исторія и право важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, греческія древности (?), всеобщая исторія, статистика, и сверхъ всего изученіе славянскихъ законодательствъ). Инструкція требовала 1) чтобы по каждому предмету бытъ

выслушанъ одинъ, а если можно, то два и болѣе курса; 2) чтобы независимо отъ лекцій командированные изучали свой предметъ чтеніемъ лучшихъ по оному сочиненій и самостоятельнымъ изученіемъ источниковъ; 3) чтобы въ началѣ и концѣ полугодія каждый доносилъ-бы обь избранныхъ имъ предметахъ, о числѣ взятыхъ часовъ, о дѣйствительно прослушанныхъ курсахъ, и сверхъ того о тѣхъ особыхъ домашнихъ занятіяхъ, которымъ каждый предавался. Особенно подробно и тщательно была составлена инструкція, данная А. С. Роговичу и принадлежащая перу известнаго ботаника Э. Р. Траутфеттера, бывшаго по томъ ректоромъ Кіевскаго университета. Въ ней были указаны не только предметы и профессора, но мѣста, которыя онъ долженъ быть посѣтить во время лѣтнихъ экскурсій, кабинеты, коллекціи, рудники, лица съ которыми долженъ быть познакомиться; все время трехгѣнного пребыванія было распределено семестрами по университетамъ, и даже опредѣленъ быть маршруты путешествія и возвращенія въ Россію.

Для слушанія курсовъ юридическихъ былъ указанъ главнымъ образомъ университетъ Берлинскій, лишь 4-е полугодіе предполагалось для временнаго посѣщенія университетовъ Лейпцигскаго, Гетингенскаго и Гейдельбергскаго; 3-й годъ пребыванія за границею предназначался для посѣщенія Франціи и Англіи.

Въ тоже самое время Министерство Народ. Просв. отнеслось къ нашему посланнику при берлинскомъ дворѣ (бар. Мейендорфу) обь оказаніи пособія и покровительства командированнымъ молодымъ людямъ; и равнымъ образомъ и къ проживавшему въ то время въ Берлинѣ генераль-адъютанту Мансурову, съ просьбою «о дѣятельномъ посоченіи надъ находившимися въ Пруссіи русскими студентами». Съ этого цѣлію предписано было, чтобы молодые люди, по пріѣздѣ въ Берлинъ, явились къ гг. Мейендорфу и Мансурову и впослѣдствіи доносили-бы имъ о своихъ занятіяхъ; равнымъ образомъ требовалось, чтобы во время дальнѣйшихъ путешествій, они являлись къ нашимъ посланникамъ и

агентами, гдѣ таковые состояли, »доносили-бы имъ по временамъ о своихъ занятіяхъ и отбывали не иначе, какъ съ ихъ вѣдома«.

Нельзя не удивляться тому, какимъ образомъ члены факультетовъ, составлявшіе эти подробныя и требовательныя инструкціи, сами бывшіе въ свое время за границею, упустили изъ виду, что трудъ ихъ былъ совершенно бесполезенъ, что русскій молодой человѣкъ, отиравшійся въ германскій университетъ, былъ также свободенъ какъ и каждый пѣмѣцкій студентъ, что присылаемые отчеты съ указаніемъ прослушанныхъ курсовъ и часовъ могли вполнѣ удобно и безопасно ничего не значить; трудно читать безъ улыбки оставшіяся на отчетахъ факультетскія помѣты: »посланный такимъ-то отчетъ за такое полугодіе вполнѣ соответствуетъ данной ему инструкціи, а потому«....

Надзоръ надъ командированными русскими, установленный въ лицѣ нашихъ посольствъ, былъ весьма умѣренный, и въ большинствѣ случаевъ ограничивался лишь визою паспортовъ, бывшою тогда посемѣстнымъ обычаемъ. Отношенія къ генер.-ад. Мансурову были самыя лучшія; онъ и его семейство относились къ молодымъ людямъ съ расположениемъ и готовностью оказать нужную помощь. Одинъ изъ командированныхъ вспоминалъ намъ съ особеннымъ удовольствиемъ, какъ однажды, въ день Свѣтлого Воскресенія, русскіе молодые ученые были приглашены въ домъ Мансуровыхъ, и встрѣтили тамъ и ласковость хозяевъ и чисто русское гостепріимство.

Было въ Берлинѣ и еще одно русское лицо, стоявшее въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ посланнымъ туда молодымъ людямъ, хотя и не призванное къ тому официально. Это—посольской священникъ Дормидонтъ Ивановичъ Соколовъ. Онъ давно жилъ въ Прусской столицѣ и пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ иѣстнаго населенія, которое знало его весьма хорошо. Полный радушія и привѣтливости, онъ охотно принималъ всѣхъ русскихъ, прѣѣзжавшихъ въ Берлинъ. У него-то наши молодые люди проводили свой досугъ, а въ нужныхъ случаихъ встречали добрый совѣтъ и помощь. По словамъ одного изъ

командированныхъ тогда, общество, которое наши молодые люди находили въ домѣ Д. И. Соболова, и возможность всегда пользоваться этимъ обществомъ, отклонили многихъ изъ нихъ отъ тѣхъ многочисленныхъ удовольствій въ увеселительныхъ мѣстахъ Берлина, за которыхъ они могли бы расплатиться и деньгами и временемъ и здоровьемъ.

Съ 1844 года начали появляться отчеты командированныхъ молодыхъ ученыхъ; къ сожалѣнію сохранились только немногіе изъ нихъ. Но и по нимъ можно сдѣлать нѣкоторыя заключенія. Наши молодые будущіе ученые, какъ видно, отправились въ чужіе края по большей части съ богатыми инструкціями и бѣдною научною подготовкою, за которую впрочемъ трудно ихъ и винить, особенно если вспомнить, что почти всѣ они передъ посылкою за границу были учителями предметовъ, совершенно чуждыхъ заграничнымъ занятіямъ ихъ.

Въ отчетахъ нерѣдко высказывается недовольство слушанными курсами, особенно французскихъ преподавателей; недовольство, едвали не объясняемое тѣмъ, что наши молодые ученые, еще не испытавъ сами условій университетскаго преподаванія, явились съ требованіями слишкомъ высокими и упустили ту истину, что никакой курсъ не можетъ быть вѣчнымъ праздникомъ, полнымъ открытий и движенія науки (между французскими профессорами были тогда Ю. Симонъ, Э. Кинѣ, Мишле, Ортоланъ, Мишель-Шевалье, Кальме, Лабуле и др.).

Другая черта, характеризующая нашихъ молодыхъ ученыхъ, представляется въ чрезвычайно юношескомъ, восторженномъ настроеніи ихъ. Въ отчетахъ и разговорахъ, о которыхъ мы слышали отъ близкихъ къ нимъ лицъ, довольно часто высказывалось ими о необходимости научного одушевленія, идеальномъ служеніи наукъ, отреченіи отъ благъ житейскихъ. Спокойное отношение къ предмету, а еще болѣе скептицизмъ къ ихъ идеаламъ, вызывали съ ихъ стороны рѣпительное осужденіе и подозрѣніе въ отсталости и слабости. Такіе приговоры встречаются даже и въ отчетахъ, и притомъ въ весьма наивной формѣ; такъ въ одномъ изъ нихъ говорится: »слушая г. Порте (Portès въ Collège de France),

невольно удивляясь, какъ могъ этотъ человѣкъ сохраниться въ прежней своей наивности? кажется, будто слышишь какого-нибудь преподавателя 18 вѣка!. Въ восторженномъ настроеніи нѣкоторыхъ изъ командированныхъ было много здоровыхъ силъ и той неувидаемой красы юности, которая невольно и легко мирить съ своими очевидными ошибками и заносчивостью надеждъ; но была въ немъ натянутость и большая доля незрѣлости и неопытности. Люди жили въ какомъ-то фантастическомъ мірѣ, и не старались даже уяснить себѣ среду, съ которой вели дѣло, и съ которой должны были скоро посчитаться. Особенно намъ показалось любопытнымъ одно мѣсто въ отчетѣ, гдѣ высказывается самое рѣшительное признаніе безсмысльности французскихъ профессоровъ, въ силу котораго они остаются при своихъ должностяхъ до смерти, если только будутъ слѣдовать утвержденнымъ программамъ — «Профес-сорское *inamovibilité* есть самое большое зло; оно заставляетъ университеты терпѣть никакуя негодныхъ людей». Нѣть сомнѣнія, что нынѣшнее поколѣніе, быть можетъ также не богатое наукой какъ и прежнее, но гораздо раньше созрѣвшее опытомъ, не рѣшилось-бы помѣстить такого воззрѣнія въ отчетѣ, предназначавшемся для лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже отстали и отъ науки, отчасти даже забыли кое-что изъ выслушанного когда-то у Савиньи и Рудорфа, и близились къ окончанію роковыхъ 25-ти лѣтъ.

Въ Парижѣ приѣхали наши молодые русскіе въ началѣ 1846 года и застали въ тамошнемъ ученомъ мірѣ борьбу и волненія: это было время изданія *L'ultramontanism*, *Des Jésuites*, чтенія лекцій Мишле, Эд. Кине, въ которыхъ профессоры самыи рѣзкимъ образомъ нападали на злоупотребленія современного духовенства, на господство іезуитовъ, на доктри-нёрство и консерватизмъ министровъ. Это было время, когда министръ народного просвѣщенія (Сальванди) то и дѣло долженъ быть бороться съ программами университетскими чтеній (Кине, Мишле) и требовать, чтобы профессора не обращали аудиторій въ арену политическихъ демонстрацій. Духъ тогдашнихъ партій въ такой степени овладѣлъ уни-

верситетскимъ парижскимъ міромъ, что нѣкоторые изъ профессоровъ, приверженцевъ ультра-монтанізма, рѣшились являться на каедру подъ прикрытиемъ полиції, да и ея защита мало помогала, потому что приходившая толпа слушателей, сторонниковъ Ар. Мараста и Год. Кавенъяка, поднимали такой шумъ, который не допускать никакого чтенія (такъ было въ Сорбонѣ съ професс. всеобщей исторіи, адъюнктомъ Гизо, Ленорманомъ). Волненія аудиторій были только отраженіемъ той главной политической борьбы, которая велась въ это время въ законодательномъ собраніи, газетахъ, клубахъ и публичныхъ сходкахъ. Парижское движение сообщило и написмъ молодымъ путешественникамъ: Парижъ представился имъ «всемірнымъ центромъ, где слышнѣе всего пульсъ жизни человѣчества», где «бьетъ главный родникъ всестороннаго развитія жизни общественной», откуда «всего лучше, удобнѣе, вѣрнѣе, наблюдать за современнымъ движеніемъ государственной жизни не только Франціи и Европы, но и всего политического міра». Наши ученые усердно посыпали засѣданія пачаты первыи и пачаты депутатовъ, и «рѣчи Гизо, Тьера, Одилонъ-Баро, Ламартина и др. политическихъ ораторовъ поучительнѣе, говорили они, многихъ профессорскихъ школьнѣхъ чтеній». Не были чужды имъ и тѣ соціалистическія стремленія и надежды, которыхъ такъ магически господствовали въ нѣкоторыхъ значительныхъ частяхъ тогдашняго поколѣнія парижанъ. Луи-Блан соціалистическая теорія, Луи-Блана *Dix ans*, считались у нихъ рѣшающимъ политическимъ словомъ, совершенствомъ исторического вѣданія и таланта.

Большинство молодыхъ русскихъ, возвратившись на родину, внесли въ ученое киевское общество, жившее съ середины 40 г. въ самомъ безмѣтномъ мірѣ дружескихъ вечеровъ и официальной службы, скѣжѣсть силь, новизну умственныхъ и нравственныхъ возврѣній и несѣрѣ въ крѣзность мѣстныхъ авторитетовъ; и эти послѣдніе, огорченные неожиданнымъ сомнѣніемъ, при случаѣ выражали готовность по-призвать необдуманныхъ скептиковъ. Нашимъ же заграничнымъ уче-

нымъ, по крайней мѣрѣ пѣкоторымъ, принадлежитъ заслуга возбужденія въ ближайшихъ єсть имъ кружкахъ живаго интереса и вниманія къ современнымъ явленіямъ политической и общественной жизни запад. Европы, и болѣе близкаго знакомства съ учеными Овена, С. Симона, Фурье и др., о которыхъ кievляне знали до сихъ поръ большие по пасынкѣ, по частнымъ и библіографическимъ извѣстіямъ, перѣдко превъличеннымъ и даже суевѣрнымъ.

Вирочемъ должно замѣтить, что педавніе путешественники не исповѣдывали никакихъ крайнихъ и рѣшительныхъ теорій, и, какъ замѣчается одинъ изъ современниковъ, близко ихъ знающей, они не принесли съ собою никакихъ опредѣленныхъ, рѣзкихъ воззрѣй, и даже отропились отъ нихъ (напр. отъ ученія Барбеса). Ихъ политическое и соціальное міросозерцаніе болѣе всего и бывало неопредѣленостю дѣла, укращеннаго чистотою стремленій, лиризомъ и увлекательнымъ словомъ. Ихъ героемъ и идеаломъ былъ Ламаргиль, который такъ возвыщенно мыслить и такъ прекрасно говорить....

Посылка за границу оживила и Н. И. Пилянкевича; заѣхавъ въ Кіевъ, по дорогѣ въ чужіе края, онъ пріятно удивилъ своихъ родныхъ произведенію въ немъ перемѣнною; вопреки своему обычая, онъ былъ разговорчивъ, оживленъ, много и съ чувствомъ говорилъ объ открывшейся ему дѣятельности и быть полонъ какого-то трепетнаго ожиданія. Но это были временные порывы; довольно долгое время, проведенное безъ сживляющихъ и поддерживающихъ занятій, не могло не оставить въ немъ своего рода душевной пустоты и недовольства..

Прѣхавъ въ Берлинъ, онъ вскорѣ замѣтилъ, что никакая заграница не обладаетъ могуществомъ внести жизнь и движеніе туда, гдѣ она имѣла мало материаловъ. Къ Н. И. Пилянкевичу возвратились прежняя его молчаливость и необщительность; своихъ товарищѣ-русскихъ посѣщалъ онъ изрѣдка, по не любить ни самъ говорить, ни слушать другихъ. Лишь по временамъ и неожиданно онъ оживлялся, и въ эти минуты быть чрезвычайно привлекательнымъ юмористическимъ рас-

казечикомъ. Не пробудилъ Берлинъ въ Н. И. Пилянкевичъ одушевленнаго расположения и въ юриспруденціи; охотнѣе всего онъ посѣщалъ клиники, химическая лабораторія, и особенно галлереи, музыкальныя соревнованія, концерты.

Впрочемъ, обладая большими способностями, чрезвычайно ясною и основательною мыслю, и понимая лежавшую на немъ правственную ответственность, онъ занимался юриспруденціей на столько, на сколько это было возможно для него, и въ значительной степени овладѣть своимъ предметомъ и быть довольно знакомъ съ германскою юридическою литературою. Германия, или вѣрнѣе сказать, Берлинъ, былъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ Н. И. Пилянкевичъ провелъ 3 года своей командировкы. Ни въ Англію, ни во Францію онъ не поѣхалъ, вслѣдъ за своими товарищами, отчасти вслѣдствіе беззаботности своего нрава и неумѣнія сберечь нужныхъ для путешествія денегъ, а отчасти и потому, что его спокойная натура и овладѣвшее имъ равнодушіе не вызывали его къ перемѣнѣ мѣстъ и знакомству съ новыми сторонами и интересами жизни.

По возвращеніи въ Кіевъ, онъ уединился еще болѣе, и еще неохотнѣе сходился съ товарищами своей берлинской жизни: ихъ раздѣляли и различіе природы и та грань, которая неминуемо образовалась вслѣдствіе пребыванія послѣднихъ въ Парижѣ и отчасти увлеченія ихъ господствовавшимъ тогда въ публицистикѣ направлениемъ. Впрочемъ, разъединеніе прежнихъ товарищей не имѣло въ себѣ ничего личнаго. Какъ человѣкъ, Н. И. Пилянкевичъ отличался всегда независимостію характера, чуждаго искательствъ и сомнительной уклончивости, снисходительностью къ людскимъ слабостямъ и чрезвычайною добротою, доходившою иногда до самоотверженія, и пользовался расположениемъ всѣхъ, знавшихъ его.

Н. И. Пилянкевичъ предпочиталъ мирный домашній кровъ и небольшой кругъ знакомыхъ, большую частью лицъ не университетскихъ, которые изрѣдка посѣщали его, и ближе подходили къ его натураѣ.